

На правах рукописи

Федорченко Сергей Николаевич

**Технологии легитимации политических режимов
в условиях цифровизации**

Специальность – 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва – 2021

Работа выполнена в секторе философии российской истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук.

Научный консультант: **Локтионов Михаил Вячеславович**
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии российской истории Института философии РАН

Официальные оппоненты: **Ярулин Илдус Файзрахманович**
доктор политических наук, директор Института социально-политических технологий и коммуникаций Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»

Щербинина Нина Гаррьевна
доктор политических наук, профессор кафедры политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Быков Илья Анатольевич
доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»**

Защита состоится «08» февраля 2022 г. в 15 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета Д 002.015.05 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, зал Учёного совета Института философии РАН.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН, а также на сайте: <https://iphras.ru/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета Д 002.015.05,
к. полит. н.

И.М. Угрин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Глобальные тренды цифровизации общества актуализируют проблему адаптации политических режимов к новым сетевым условиям как в России, так и в зарубежных странах. Это в свою очередь ставит вопрос о необходимости комплексного компаративного анализа кейсов легитимации разных политических режимов с целью выработки пакета рекомендаций для эффективной трансформации современного российского политического режима. Наиболее сложной научной проблемой видится, прежде всего, определение глубинных трансформаций социально-политической реальности под давлением форсированной цифровизации.

Актуализируют выбранную тему исследования другие проблемы: риски и угрозы информационных войн, политизированных фейков, попыток искажения исторической памяти, которые способны запустить процессы делегитимации политического режима. В то же время, цифровизация дает для политических режимов дополнительные перспективы в плане использования правительственными органами социальных сетей, трансформации коммуникационных моделей партий. Граждане же получают возможности электронной демократии, участия в мониторинге действий властей через специальные цифровые платформы и приложения. Правда, с другой стороны, форсированная цифровизация совсем не исключает создания на базе ряда политических режимов целых Паноптикумов, в рамках которых будут практиковаться гибкие технологии манипуляции сознанием, а также устанавливаться порядок взаимной слежки. Тем самым процесс цифровизации является своеобразной цивилизационной вилкой, создавая для политических режимов как кибероптимистические, так и киберпессимистические сценарии.

Степень научной разработанности темы исследования. Сущности, специфике, классификации и механизму легитимации политических режимов посвящен ряд научных работ зарубежных и отечественных политологов. Есть исследования, где политические режимы разделяются по степени развитости демократических либо авторитарных институтов (монографии Х. Арндт,

Т. Адорно, Г. Таллока, С. Хантингтона, Г.В. Голосова, С.В. Патрушева, Л.Е. Филиппова¹, статьи других авторов²).

Классические институциональные исследования политических режимов начались с работ А. Токвиля, А. Пшеворского и М. Дюверже. Их больше интересовала нормативная, структурно-ориентированная сторона. Это направление продолжили развивать Ж.-Л. Кермонн³ (понимавший под режимом порядок, формирующий политическую власть на определенный период) и российский политолог П.В. Панов (рассматривающий режим как порядок воспроизводства политических практик на микро- и макроуровнях)⁴.

Помимо институционального есть также инструментальный подход к анализу сущности политического режима. Его сторонники (Р.А. Даль, Ш.Н. Эйзенштадт, М. Касиоровски, М. Фуко, Т.Л. Вэй, Карл, А. Шедлер, С. Левицки, Дж. Домингес, Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, А.Л. Громыко и др.) больше интересуются не формальными и теневыми структурами, а процессами, социальными эффектами этих метаморфоз, морфологией политических форм⁵, режимными трансформациями⁶. Часто в этом направлении политический режим анализируется через характер методов

---

¹ Арентс Х. *Vita Activa*, или О деятельности жизни. /Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. 416 с.; Адорно Т. Исследование авторитарного характера. /Пер. с нем. М.Н. Попова, Л.К. Латышевой, М.В. Кондратенко. М.: Серебр. нити, ЦГИ. 2020. 414 с.; Хантингтон С. Политический порядок в меняющемся обществе. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с.; Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. 319 с.; Голосов Г.В. Автократия, или Одиночество власти. СПб.: Изд. Европ. ун. в Санкт-Петербурге. 2019. 160 с.; Tullok G. *Autocracy*. Hingham: Kluwer Academic Publ. 1987. 231 p.; Lührmann A., Tannenberg M., Lindberg S.I. *Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes //Politics and Governance*. 2018. Vol. 6. Iss. 1. P. 1-18.

² Lorch J., Bunk B. Using Civil Society as an Authoritarian Legitimation Strategy: Algeria and Mozambique in Comparative Perspective //*Democratization*. 2017. Vol. 24. №6. P. 987-1005; Бедерсон В.Д. Гражданские ассоциации и политический режим в мировой недемократической практике: между политическим контролем и социальной эффективностью //Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 37-52.

³ Quermonne J.-L. *Les regimes politiques occidentaux*. Paris: Éditions du Seuil. 1986. 316 p.

⁴ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 2011. 230 с.

⁵ Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. 288 с.; Эйзенштадт Ш.Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость (I) //Полис. Политические исследования. 2002. №2. С. 67-81; Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. №4(67). С. 65-88; Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. №4(75). С. 58-70.

⁶ Кудряшова И.В. Режимные трансформации на современном арабском Востоке //Политическая наука. 2012. №3. С. 149-167.

государственной власти⁷. Особым направлением в отечественной политологии стало изучение региональных и городских политических режимов⁸. Инструменталисты выходят за рамки жесткой дихотомийности «демократия – авторитаризм», разбирая их многочисленные гибридные формы⁹, приспособляющиеся к текущей политической конъюнктуре.

Функциональный подход (Г. Лассуэлл, Т. Парсонс, Д. Истон, Н.А. Баранов и др.¹⁰) своеобразно синтезирует наработки институционализма и инструментализма, также допуская разнообразие политических режимов, но отдавая предпочтение анализу функциональных, эффективных техник политической власти во всем их многообразии.

Важно заметить, что исследования о легитимации политических режимов так или иначе тесно связаны с самим явлением политической легитимности. Помимо классических сочинений М. Вебера¹¹ и К. Шмитта¹² опубликованы и другие исследования по данной научной теме. Критическую позицию по отношению к веберовской модели в своей монографии занял английский социолог Д. Битем¹³. Отойдя от нормативного подхода, он акцентировал проблематику многомерного согласия населения с властью. Разные формы согласия тесно увязывал с легитимацией в своей работе и Д. Хелд¹⁴. Этот аспект анализировали и другие авторы (Н. Боббио, Г. Ферреро, Д. Штернбергер). С. Липсет кроме согласия большое внимание уделял и эффективности власти, функциональности институтов¹⁵. Тогда как А.М. Салмин предлагал говорить о квазилегитимационных технологиях режима¹⁶.

---

⁷ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль. 1985. 384 с.; Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. М.: Изд. Моск. унив. 2013. 328 с.

⁸ Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа //Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77-95.

⁹ Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 537 p.; Domingues J.M. Political Regimes and Advanced Liberal Oligarchies //Constellations. 2018. Vol. 26. Iss. 1. P. 78–93; Харитоновна О.Г. Недемократические политические режимы //Политическая наука. 2012. №3. С. 9-30; Розов Н.С. Динамика гибридных режимов и устойчивость/хрупкость неототалитаризма //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. №1(88). С. 30-46.

¹⁰ Парсонс Т. О структуре социального действия. /Пер. с англ. М.: Академический проект. 2018. 435 с.; Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос. технич. ун-т. 2007. 208 с.

¹¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. /Пер. с нем. и вступит. статья А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик. 2018. 292 с.

¹² Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. 568 с.

¹³ Beetham D. The Legitimation of Power. Palgrave. 1991. 267 p.

¹⁴ Held D. Models of Democracy. Stanford: Stanford University Press, 3rd ed. 2006. 352 p.

¹⁵ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль. 2016. 612 с.

¹⁶ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: ФОРУМ. 2009. 384 с.

Модель легитимации на основе политической поддержки представлена в трудах Д. Истона и Н.П. Медведева¹⁷. Поддержку власти и ее авторитета, как элементов политической легитимации, описывают в своих трудах В.В. Ачкасов, С.А. Ланцов, С.М. Елисеев, К.Ф. Завершинский¹⁸. Как и С. Липсет, немецкий исследователь Ю. Хабермас старался выявить причины так называемых легитимационных кризисов¹⁹. Важный вклад в осмысление отличий легитимности и легитимации в политике сделал К. фон Гальденванг²⁰, который обнаружил элементы цикличности в легитимационных кризисах. О соотношении интересов населения и элиты пишут и другие авторы²¹. Чрезвычайно важный вклад в изучение уровней легитимации сделали П. Бергер и Т. Лукман. Следует отметить, что описываемые современными авторами модели и технологии легитимации²² затрагивают очень интересные научные проблемы, но пока недостаточно отражают аспекты цифровизации.

Те работы, которые ученые посвящают процессу цифровизации, пока в основном не имеют тесной привязки к режимной легитимации. К примеру Л. Манович, Р. Барбрук, Дж. Кин, Г. Кехлер, Н. Срничек, Г.А. Малышева, Х.А. Гаджиев²³ и другие выявляют теоретико-фундаментальные проблемы цифрового пространства. К анализу сетевых механизмов и закономерностей цифровых медиа (проблем дискурса, специфики политической коммуникации, цифрового неравенства, публичной политики и т.п.) в свое время обратились М. Кастельс, Г. Ловинк, Дж. Дин, Л.В. Сморгунов, М.Н. Грачев, И.А. Быков²⁴.

---

¹⁷ Easton D. A Re-assessment of the concept of political support //British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. №4. P. 435-457; Медведев Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика //Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 4 (17). С. 63-71.

¹⁸ Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект-Пресс. 1996. 127 с.; Завершинский К.Ф. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. №4. С. 4-18.

¹⁹ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. 264 с.

²⁰ Haldenwang von Ch. Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. 36 p.

²¹ Попова И. Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации //Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. №3. С. 21–41.

²² Григорянц Г.Г. Три модели легитимации власти //Государственный аппарат. 2004. №2. С. 144-159; Гасратова Ф.М. Современные технологии и механизмы легитимации власти //Вестник университета. 2014. № 16. С. 21-25; Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений //Политическая наука. 2019. №3. С. 222-235.

²³ Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. 400 с.; Кехлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? //Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75-87; Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. /Пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. дом. ВШЭ. 2020. 128 с.

²⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. 608 с.; Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России //Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151-

Другие ученые разбирают феномены Big Data, вопросы цифровой пропаганды (В. Кларк, М. Голдер, М. Косински, С.В. Володенков и др.²⁵), политические функции и возможности искусственного интеллекта (А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш, В.И. Дрожжинов, А.Н. Райков, Д.С. Жуков²⁶). Технологии информационных войн, проблемы кризиса суверенитета и специфики цифрового (информационного) суверенитета показаны в трудах М.М. Федоровой, В.Н. Шевченко, А.В. Манойло, А.А. Ефремова²⁷. С информационными войнами переплетается и проблематика фейков, политических интриг²⁸. Появляются работы и по цифровизации политических

163; Dean. J. Communicative Capitalism and Class Struggle //Spheres: Journal for Digital Cultures. 2014. №1. P. 1–16; Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. Политический язык и жанры политической коммуникации в современном Интернете (опыт стран Северной Америки и Западной Европы) //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №3. С. 46-57. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33301/view> (дата обращения: 29.03.2021); Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: колл. моногр. /Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс. 2018. 384 с.

²⁵ Ansolabehere S., Hersh E. Validation: What Big Data Reveal About Survey Misreporting and the Real Electorate //Political Analysis. 2012. №20(4). P. 437-45; Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes //Psychological Methods. 2016. Vol. 21. №4. P. 493-506; Clark W.R., Golder M. Big Data, Causal Inference, and Formal Theory: Contradictory Trends in Political Science? //PS: Political Science & Politics. 2015. Vol. 48. Issue 1. P. 65-70; Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. №44. С. 205-212; Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Изд. Проспект. 2021. 416 с.

²⁶ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №50. С. 5-20. DOI: 10.17223/1998863X/50/1; Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 70-79. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38592/view> (дата обращения: 19.05.2021); Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 23-33. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38589/view> (дата обращения: 29.03.2021).

²⁷ Федорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория Современности //Философский журнал. 2009. №1(2). С. 154-164; Шевченко В.Н. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект //Философские науки. 2015. № 6. С. 7-21; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Гор. лин. Телеком. 2018. 496 с.; Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных //Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113; Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства //Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

²⁸ Разуваев В.В. Анатомия политической интриги. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2019. 184 с.; Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде //Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 98-101.

партий²⁹, голографизации политики³⁰. Особняком стоят труды, посвященные теории и практике игр³¹. Это направление имеет серьезную перспективу для дальнейшего анализа политической легитимации через феномен геймификации политики.

С одной стороны, появились монографии, где затрагивается феномен медиалегитимации политической власти³², а также модель медиакратий (Т. Мейер, А.И. Соловьев³³, С.С. Бодрунова). Но, с другой стороны, авторы продолжают анализировать так называемые архаичные, рутинные приемы легитимации режима³⁴. Развивается и направление изучения политической делегитимации, нестабильности³⁵. Правда, авторы, исследующие различные приемы взаимоотношения власти с гражданами в рамках модели медиакратии либо модели мониторинговой демократии (Дж. Кин), в основном фокусируются на технологической, экономической, маркетинговой стороне. Поэтому отдельным перспективным направлением в изучении легитимации режимов видится анализ ценностных оснований и аспектов процесса цифровизации. Аксиологические (ценностные, символические) нюансы цифровизации (трансформация идентичности, образа власти, политической повестки и т.п.) стараются осветить Л.А. Фадеева, Д.С. Мартьянов, В.А. Емелин, В.В.

---

²⁹ Gerbaudo P. *The Digital Party: Political Organization and Online Democracy (Digital Barricades)*. Pluto Press. 2018. 224 p.; Dommett K., Kefford G., Power S. *The digital ecosystem: the new politics of party organisation in parliamentary democracies* // *Party Politics*. 2020. February. P. 1-11.

³⁰ López A.E. *Invisible Participation: The Hologram Protest in Spain* // *Afterimage: The Journal of Media Arts and Cultural Criticism*. 2016. Vol. 43. №4. P. 8-11.

³¹ Ветренко И.А. *Игровые практики в политическом процессе: монография*. Омск: Изд. Омск. гос. ун-та. 2009. 160 с.; Schulzke M. *Military videogames and the future of ideological warfare* // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2017. Vol. 19. Issue 3. P. 609–626.

³² Вертешин А.И. *Медиалегитимация политической власти в современной России*. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 2008. 260 с.; Пономарев Н.Ф. *Стратегии и технологии медиалегитимации власти*. Пермь: Перм. гос. универс. 2010. 192 с.

³³ Соловьев А.И. *Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи* // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 2. С. 124-132.

³⁴ Бляхер Л.Е. *Архаические механизмы легитимации власти в России* // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2008. №3. С. 7-29; Скиперских А.В. *Хлеб и зрелище: практики легитимации власти* // *Бизнес и дизайн ревю*. 2016. Т. 1. №3. С. 7-8.

³⁵ Зубок В.М. *Источники делегитимации советского режима* // *Полис. Политические исследования*. 1994. №2. С. 88-97; Бадретдинов И.Р., Бадретдинова С.А. *Легитимация и делегитимация государственной власти как политический процесс* // *Общество: политика, экономика, право*. 2019. №11. С. 38-42.

Корнев³⁶. Архетипический анализ сетевой среды проводит в своих трудах С.А. Шомова, а также болгарский исследователь Х. Кафтанджиев³⁷.

Однако, несмотря на широкий спектр научно-специализированной литературы, посвященной выбранной диссертантом тематике, по-прежнему является малоисследованной проблема цифровых форм легитимации политических режимов, купирования рисков их делегитимации в условиях информационного противостояния и трансформации классического государственного суверенитета в цифровой суверенитет. В работах о режимной легитимации практически нет анализа связей ценностных и цифровых феноменов. В своем исследовании диссертант нацелен комплексно изучить данные явления.

Теоретико-методологическая основа. Для теоретической основы исследования выбран ряд концептуальных моделей. Во-первых, при анализе общих закономерностей легитимации режимов диссертант обратился к функциональному подходу. Он позволил рассмотреть цифровые технологии легитимации режимов во всем их многообразии через стратегические функциональные уровни легитимации властной системы: институциональный, технологический, персональный и ценностный. Функциональный ракурс привел к пониманию политического режима как порядка функционирования политической системы на основе различных цифровых технологий. При этом автор опирался на разработки в области функционального анализа (Ф. Гуднау, А.А. Богданова, С. Липсета, Г. Лассуэлла, Н.А. Баранова, А.И. Соловьева, Дж. Босча³⁸). К адекватному пониманию особенностей легитимации и делегитимации позволили прийти теоретические схемы легитимационных кризисов Ю. Хабермаса и К. фон Гальденванга³⁹. Изучение феномена информационных войн и цифрового

---

³⁶ Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. /Ред. И.С. Семенов, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. М.: РОССПЭН. 2011. Т. 1. С. 67-69; Мартыанов Д.С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. №4. С. 142-160; Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монограф. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2017. 360 с.; Корнев В.В. Эгоистичный мем идеологии. М.: КАНОН + РООИ «Реабилитация». 2020. 267 с.

³⁷ Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. 2016. 264 с.; Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. Харьков: Гуманитарный центр. 2016. 268 с.

³⁸ Goodnow F. Politics and Administration: A Study in Government. N.Y.: The Macmillan Company, L Macmillan & CO. Ltd. 1900. 270 p.; Богданов А.А. Очерки организационной науки. М.: Т8 RUGRAM. 2019. 354 с.; Bosch J. Van den. Mapping Political Regime Typologies // Przeglad Politologiczny. 2014. №4. P. 111-124.

³⁹ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. 264 с.; Haldenwang von Ch. Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. 36 p.

суверенитета потребовало анализа технологии внешней легитимации через модель «факта-признания» В.Л. Цымбурского⁴⁰.

Во-вторых, большую роль в интерпретации общих, схожих коммуникационно-сетевых параметров легитимации режимов сыграли следующие концепты: сетевой власти М. Кастельса⁴¹ (осмысление центральных сетевых узлов как опорных точек режима); аутопойезиса и бинарных кодов Н. Лумана⁴²; символического интеракционизма Г. Блумера⁴³ (понимание конструирования политических смыслов в механизме постоянного сетевого взаимодействия – символических обменов); социотехнической реальности (на основании работ Г. Ловинка, И.А. Исаева)⁴⁴; коммуникационного капитализма Дж. Дин⁴⁵. Автор опирался и на модель интерпретации соотношения уровней политической повестки М.Н. Грачева⁴⁶. Помимо этого, были задействованы наработки А. Тойнби и Р. Жирара в области миметической теории. При аналитической проработке закономерностей цифровизации диссертант опирался на ряд тезисов Л. Мановича, Б. Лэша, Н. Срничека, а также С.В. Володенкова (модели цифровых капсул, самокоммуникации и цифровой стигматизации).

В-третьих, принципы аксиологического анализа были использованы при выявлении ценностно-цивилизационных особенностей разных политических режимов. С этой целью автор обратился к другим теоретическим разработкам: концепту «вызова-и-ответа» А. Тойнби⁴⁷, концепции «лимитрофов» В.Л. Цымбурского⁴⁸, модели «нового варварства» А.А. Кара-Мурзы⁴⁹, аналитическому наследию в области цивилизационных различий А.С.

---

⁴⁰ Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. 372 с.

⁴¹ Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. 591 с.

⁴² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. /Пер. с нем. И.Д. Газиева, под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука. 2007. 621 с.

⁴³ Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. /Пер. с англ. А.М. Корбуа. М.: Элементарные формы. 2017. 346 с.

⁴⁴ Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж». 2019. 304 с.; Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект. 2019. 144 с.

⁴⁵ Dean. J. Communicative Capitalism and Class Struggle //Spheres: Journal for Digital Cultures. 2014. №1. P. 1–16.

⁴⁶ Грачев М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга //Век информации. 2018. Т.2. №2. С. 94-96.

⁴⁷ Тойнби А.Дж. Постигание истории. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Академический проект. 2019. 802 с.

⁴⁸ Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом. М.: Эдиториал УРСС. 2000. 144 с.

⁴⁹ Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1995. 211 с.

Панарина⁵⁰. Также автор обращался к концепту гегемонии А. Грамши, архетипическому анализу коммуникаций С.А. Шомовой и отечественным разработкам в области политики памяти⁵¹.

В качестве основных методологических оптик были использованы приемы компаративистики, социологического опроса, контент-анализа сообществ социальных сетей. Вспомогательным методом стал SWOT-анализ.

Другой вспомогательной, но не менее важной методологической оптикой стала модель учета больших политических данных (Political Big Data), предполагающая систему автоматического сбора, анализа и графической визуализации поисковых запросов населения конкретной страны с помощью сервиса Google Trends.

Эмпирическая база исследования предполагает опору диссертанта на анализ социологических опросов (Опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН, июнь 2019 г. (ОСПИ-2019), 700 респондентов; опросы Левада-центра (2019, 2020, 2021 гг.); опросы ВЦИОМ (2019, 2020, 2021 гг.), опрос центра Pew Research «Democratic Rights Popular Globally but Commitment to Them Not Always Strong», весна 2019 г., 34 стран. Использовались и данные мировых рейтингов (Polity, 2018; Worldwide Governance Indicators, 2018; Fragile States Index, 2019; Regimes of the World, 2016; World Happiness Report, 2020; The UN E-Government Development Index, 2018; Global ICT Development Index, 2017; Networked Readiness Index, 2016; Dimensions of national cultures, 2015; World Values Survey, 2014 и др.).

Также автором на базе кафедры политологии и права Московского государственного областного университета в ноябре 2019 г. был проведен анкетный опрос «Компьютерные игры и политика памяти», 1100 респондентов. Дополнительные эмпирические данные были получены автором самостоятельно в ходе применения сервиса Google Trends.

Объектом диссертационного исследования являются политические режимы в условиях процесса цифровизации.

Предметом исследования выступают технологии легитимации политических режимов, связанные с явлениями цифровизации.

Цель исследования состоит в комплексном анализе и концептуализации легитимационных технологий политических режимов, осмысление возможности их оптимизации применительно к условиям процесса цифровизации.

Для достижения поставленной цели были определены конкретные **задачи**:

---

⁵⁰ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм. 2004. 640 с.

⁵¹ Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» //Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН. 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. /Отв. ред. О.Ю. Малинова. С. 126-148; Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. №3(94). С. 103-126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126.

- выявить общее и специфичное в политологическом осмыслении категориальной сущности легитимации;
- определить характерные черты процесса цифровизации для общества и политического режима;
- изучить феномен сети в механизме легитимации политического режима;
- рассмотреть особенности и тенденции исследований в политической коммуникативистике через аксиологический ракурс;
- оценить возможности и недостатки методологической оптики Big Data в анализе цифровых маркеров легитимации и делегитимации политического режима;
- обследовать существующие показатели легитимации политического режима;
- проанализировать инновационные технологии формирования институционального доверия на примере порталов электронного правительства и систем искусственного интеллекта;
- исследовать политическую идентичность в сетевых коммуникациях через приемы конструирования и воспроизводства провластных сообществ;
- выяснить особенности технологий мемификации и хэштегирования в установлении режимом цифровой политической повестки;
- разобрать кейсы использования сайтов, сетевых сообществ и приложений, чтобы выяснить характер адаптации доминирующих партий к цифровому обществу;
- исследовать возможности и проблемы реализации политики памяти через призму теории и практики игр;
- очертить предпосылки внедрения и распространения 3D-технологий имидж-позиционирования политических лидеров;
- обозначить перспективы и угрозы применяющихся технологий информационной гегемонии для цифрового суверенитета страны;
- проанализировать техники политических интриг в сетевых коммуникациях, предложив комплекс рекомендаций по деконструкции фейков;
- разработать модель демократической цифровой платформы, способной стать легитимационным элементом политического режима России.

Гипотеза исследования. Технологии легитимации современных политических режимов попадают в зависимость от цифровых условий социотехнической реальности (фиджитал-мира) – тесного переплетения реального и виртуального пространства, поэтому социальное уже нельзя рассматривать в жестком отрыве от технического. При этом социотехническая реальность, как результат цифровизации, имеет противоречивый характер: с одной стороны, цифровые платформы поддерживают социальную среду и политическую коммуникацию, внося элементы экстерриториальности, мультимедийности, оперативной связи между властью и гражданами, однако, с другой стороны, алгоритмы и технические параметры данных цифровых платформ и ресурсов меняют социальную реальность, закладывая ряд

диспропорций – навязывание обществу стандартизированных коммуникационных моделей; цифровое неравенство между категориями граждан (от доступа к цифровым ресурсам до уровня качества этих ресурсов); появление между гражданином и политическим режимом многочисленных коммерческих посредников, оказывающих цифровые услуги; нарастание асимметрии в человеко-машинном интерфейсе, когда гражданин начинает согласовывать свои действия и поведение с параметрами информационно-технических систем.

Можно предположить, что форсированная цифровизация, спровоцированная пандемией COVID-19, произведет необратимые трансформации в социально-политических отношениях и дизайне политического управления, изменит конфигурацию существующих демократических режимов, свяжет легитимационные практики со все более гибкими формами цифрового мониторинга, контроля в виде рейтингов, плагинов, алгоритмов и разнообразных систем учета. Однако тенденция к стандартизации и унификации действий граждан приведет к ответной реакции в виде возникновения протестных движений, кибертерроризма и, соответственно, делегитимационным рискам, если режимы будут сохранять дисбаланс между внедрением новых форм цифрового контроля и внедрением новых форм цифровой демократии.

Согласно дополнительной рабочей гипотезе, цифровизация современных политических режимов осуществляется неравномерно и в основном посредством глав государств, исполнительной власти, ее силовых органов и в меньшей мере за счет законодательных (парламентских), партийных структур. Это формирует риски цифрового неравенства и угрозы для традиционных политических режимов, особенно для демократии.

Проведенная исследовательская работа привела к конкретным результатам, обладающих **научной новизной**:

- в ходе концептуального анализа выявлено, что отечественные исследователи в анализе политической легитимации больше акцентируются на ценностной стороне (аспекты традиций, сакральности), тогда как зарубежные, западные ученые предпочитают изучать вопросы эффективности и коммуникации, хотя сосредоточенность на проблеме согласия сближает европейские и американские модели с моделями российских политологов;

- определено, что в основе цифровизации политики лежит фундаментальное явление – появление цифровых платформ с сетевыми эффектами, когда сам процесс коммуникации становится зависим от их алгоритмов и навязываемых цифровых ритуалов – стандартизированных шаблонов действий гражданина в онлайн-среде без которых он исключается из социальных и политических отношений; в научный оборот отечественной политологии и политической теории введены такие новые термины как «политический интерфейс», «цифровой аватар» и «сетевой полис»;

- выяснено, что центральные узлы интернет-коммуникаций (сетевые сообщества) являются базовым элементом сетевого механизма легитимации политических режимов в условиях цифровизации;

- в большинстве изученных исследований, рассматривающих политические коммуникации через ракурс аксиологического подхода, выявлена тема архетипических бинарных оппозиций, применяющихся в технологиях легитимации и делегитимации политических режимов;

- на примере системы Google Trends показано, что методологическая оптика Big Data (автоматический сбор, анализ и визуализация больших данных) может применяться для исследований важной для легитимации режима политической повестки;

- обозначено, что политические режимы рассматривают другие режимы и выстраивают с ними отношения исходя из сложившихся собственных политических традиций легитимации: автократической деполитизации оговоренной «зоны власти» (ограничение массовой гражданской активности) или допустимой демократической политизации активного «политического поля» (контролирование политизации через стандарты медиалогии и форматы медиакратии, институты государства, партий, политических лидеров, создание препятствий радикалам);

- установлено, что технологии искусственного интеллекта, развивающиеся в рамках модели электронного правительства, ориентированы на повышение институционального доверия через создание образа функциональной, объективной, эффективной власти;

- обнаружено, что подконтрольные сообщества социальных сетей становятся необходимым условием легитимации политических режимов, подразумевающей формирование лояльной, провластной политической идентичности;

- обосновано, что современные легитимационные практики политических режимов учитывают трансформацию коммуникационной формы прежней идеологии из плакатов, билбордов и лозунгов в сетевую микроидеологию из мемов и хэштегов из-за их функции сжатия политической информации и клиповизации сознания граждан;

- замечено, что легитимация политических режимов через цифровизацию доминирующих партий производится с целями социализации – максимального приближения представителей элиты к гражданам посредством репрезентации их образов, проектов, деятельности на сайтах, в сетевых сообществах и специальных web-приложениях;

- выяснено, что игровые технологии могут использоваться как для легитимации, так и делегитимации политических режимов посредством манипуляций с интерпретацией исторической памяти;

- аргументировано внедрение в категориальный политологический аппарат понятий «политическая голограмма» и «голографизация политики», предложены сценарии развития голографизации политики;

- обнаружено, что в условиях современных информационных войн традиционный государственный суверенитет не может обойтись без своего дополнительного компонента – цифрового суверенитета, подразумевающего кибербезопасность, защиту интересов политического режима в виртуальном пространстве и препятствующего переходу его в статус цифровой колонии;

- установлена роль фейков в подготовке делегитимационных политических интриг в ходе информационного противоборства между разными политическими режимами;

- разработана легитимационная модель цифровой демократии для современного политического режима России с учетом ценностей страны, рисков цифровизации и сохраняющегося запроса на честные и справедливые политические процедуры.

Обозначенная новизна раскрыта в конкретных **положениях, выносимых на защиту:**

1. Эффективная и устойчивая легитимация политического режима, как порядка функционирования институтов политической системы с разнообразными способами воздействия субъекта управления на сознание и поведение объекта управления, в условиях цифровизации может осуществляться через несколько функциональных уровней:

- технологическую легитимацию – базовый функциональный уровень формирования согласия между объектом управления (гражданами, их группами) и субъектом управления (элитами, их партиями и правительством) через цифровые технологии (примером служит использование режимами провластных сообществ социальных сетей, порталов, приложений и т.п.);

- персональную легитимацию – имиджевый функциональный уровень установления согласия между объектом и субъектом управления через яркие и понятные образы представителей власти – политических лидеров (примером может служить возникновение феномена политической голограммы);

- институциональную легитимацию – функциональный уровень организации согласия между гражданами и политическим режимом через создание образа эффективных и работоспособных институтов – правительства, парламента и партий (примерами служат практики искусственного интеллекта в развитии электронного правительства, а также цифровизация партий);

- ценностную легитимацию – символический функциональный уровень закрепления согласия между гражданами и политическим режимом, обеспечивающий ценностное обоснование любых действий власти (примерами служит использование традиционных архетипичных бинарных оппозиций в современных технологиях).

Функциональные уровни режимной легитимации наиболее оптимально работают в сетевой совокупности и двух измерениях – внутривнутриполитическом и внешнеполитическом, совмещаясь между собой и усиливая друг друга по принципу фрактальности. Полноценное функционирование политического режима взаимосвязано с постоянным внедрением разнообразных технологий

легитимации, которое должно соответствовать разнообразию управленческой системы и политико-ценностной основы конкретного общества. Если это правило нарушается, то режим становится дисфункциональным и возникают риски делегитимации.

2. Поскольку в основе цифровизации лежит появление цифровых платформ-фирм, формирующих сетевые эффекты, то политические режимы в своей легитимации начинают учитывать специфические цифровые ритуалы – однотипные социальные действия индивида, возникающие в виде реакции на активность других индивидов в формате интернет-коммуникаций. Такими ритуалами являются лайки, дизлайки (на деле система оценки повестки и представителей режима), ежедневный просмотр френд-ленты, новостной ленты на гаджетах, смартфонах, планшетах, постинг, репост, комментарии в дискурсе, регистрация, аутентификация и т.п. Разные режимы начинают выстраивать взаимоотношения с гражданами через конкретное проявление этой ритуализации в виде цифровых аватаров – виртуальные расширения, воплощения индивида, которые через аккаунты и персональные кабинеты на государственных и коммерческих веб-ресурсах отражают его специфический биометрический образ, основные черты характера, поведения, предпочитаемые цифровые ритуалы и разделяемые ценности, в том числе и политические. Однако массовая аватаризация ставит само право на коммуникацию в зависимость от дополнительных цифровых посредников-фирм. Конфигурация гражданина в пользователя означает, что последний получает от владельцев цифровых платформ не конституционно гарантированный, а лишь временный и оплаченный допуск к коммуникационным возможностям.

3. Сетевой механизм легитимации политического режима подразумевает функционирование целой цифровой архитектуры, включающей центральные и периферийные узлы сетевых коммуникаций. Если в качестве первых выступают провластные массмедиа, сетевые сообщества, аватары общественных и политических деятелей, то в качестве вторых – граждане, трансформирующиеся в пользователей информационных ресурсов и потребителей их готового контента. Сетевую легитимацию можно понимать, как систему по формированию легитимности политического режима посредством сетевых коммуникаций и сетевых технологий, тогда как сетевую делегитимацию – как соответствующую контрсистему по разрушению легитимности политического режима сетевыми технологиями через сетевые коммуникации. Основная функция сетевой легитимации – преодоление легитимационных кризисов путем внедрения новых технологий (цифровых), способных ослаблять противоречия между устаревшей легитимирующей формулой и новым содержанием политического режима. Существующий миф о том, что современный гражданин, якобы, может легко стать субъектом политической коммуникации – соавтором разнообразных алгоритмов и компьютерных программ, опровергают последние исследования. В действительности гражданин, если он не обладает доступом ко всем

алгоритмам ресурсов и систем IT-корпораций, способен лишь воспользоваться уже готовыми шаблонами для программирования цифровых платформ.

4. Политические режимы, несмотря на внедрение современных цифровых технологий, в основе своих легитимационных практик по-прежнему используют принципы политических кодов, обладающих бинарными архетипичными смыслами («свой/чужой», «порядок/хаос», «свет/тьма», «центр/периферия»). Примечательно, что в условиях цифровизации эта доцифровая архаичная практика начинает гибко сочетаться с типично техническими принципами гейткипинга – бинарной сетевой логики включения/исключения участника с определенными ценностями в коммуникационный процесс. В данном процессе активно участвует технократия и гуманитарно ориентированная экспертократия. Цифровизация способствует тому, что власть начинает походить на алгоритм. Алгоритмически ориентированная власть определяет человеку, что для него важно, а что не важно, на какую информацию он имеет право, а на какую нет. Паноптизм, описанный Фуко, становится еще менее заметным, но также продолжает контролировать поведение пользователей, наказывая их за нарушения коммуникационной этики. Те группы, которые получают доступ к алгоритмам, приобретают политическую власть в современных условиях. Лучше всего алгоритмизация власти видна на примере проектов Smart City.

5. Появление политических больших данных (Political Big Data) из-за роста цифровых следов и ритуалов (мемов, хэштегов, пабликов, комментариев, лайков, репостов, журналов посещений и т.п.; закономерности распространенных маршрутов пользовательской коммуникации) открыло для режимов новые перспективы для исследования политического поведения граждан, вручило его политическим акторам серьезный инструмент в сегменте мониторинга общественного мнения по различным политическим темам. Цифровыми маркерами, по сути, являются обнаруженные поисковые запросы, набираемые интернет-пользователями, которые важно анализировать в контексте конкретной политической ситуации, политической новости, деятельности определенного политика, партии или государственного служащего. Позитивные по отношению к перечисленным категориям поисковые запросы можно определить цифровыми маркерами легитимации, а негативные – цифровыми маркерами делегитимации. Между тем, ряд исследований больших данных, проведенных диссертантом с помощью системы Google Trends, показали, что методологические оптики Big Data не могут качественно применяться при недостаточном уровне производимого гражданами информационного контента.

6. Исследование политических режимов показало, что во время пандемии COVID-19 либеральные демократии (США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия) ввели более разнообразные технологии цифрового контроля населения, чем закрытые, консолидированные автократии (Китай, Саудовская Аравия, Куба, Таиланд, Сирия) – от дронов до распознавания лиц и слежки через госсервисы. Подобный феномен можно объяснить «эффектом

храповика», когда разные режимы пользуются приемами цифрового контроля передвижения населения, стараясь их не отменять. Либеральные демократии, наиболее развитые в цифровом отношении, стремятся использовать приемы цифрового контроля для противодействия делегитимации. Следовательно, демократические свободы уже не могут являться основным мерилем разграничения автократий и демократий – важно учитывать и ценности, традиции данных режимов. Аксиологическая модель А. Тойнби «вызова-и-ответа» как раз объясняет, что автократии, сложившись ввиду исторических условий, сохраняют сильное политическое ядро (институт главы государства, приоритет безопасности), опирающееся на ценностно-цивилизационную основу, связанную с традициями страны. При этом закрытые автократии в своих легитимационных практиках сохраняют идеократический характер. Тогда как либеральные демократии приобрели, по сути, постдемократический характер, опираясь на принципы медиакратии, медиалогии и коммерциализации жизни при взаимоотношении с гражданами. Автократиями используется нисходящая легитимация – деполитизация общественного дискурса в рамках оговоренной «зоны власти», цензура, тогда как демократии основаны на рациональных индивидах, отношения которых в «политическом поле» специфически регламентированы: с одной стороны, политизированные сообщества индивидов могут пытаться влиять на режим, с другой – демократии вынуждены искать разнообразные приемы по купированию рисков делегитимации при восходящей легитимации – допуске стратегии эмпауэрмента (генерации власти снизу, развития у граждан способностей к политическим действиям) и политизации. Соперничество за влияние над политическими режимами «лимитрофной», межцивилизационной зоны обостряют отношения автократий и демократий, при этом либерально-демократические режимы навешивают на автократические ярлык недемократических систем, архаичных, а значит, и опасных. Имитационные режимы (электоральные демократии и электоральные автократии) сохраняют наибольшие риски легитимационных кризисов: ряд вводимых модернизаций в системе управления, образования, электронного правительства является, скорее, попыткой соответствовать международным рейтингам, системам, индексам, добиться признания со стороны постдемократий. В результате имитационные режимы попадают в зависимость от внешней легитимации постдемократий (либеральных демократий), одновременно отходя от своих прежних идеократических основ.

7. Эволюция моделей электронного правительства в сторону освоения технологий искусственного интеллекта связана с нацеленностью политических режимов на повышение институционального доверия через создание образа функциональной, объективной, эффективной власти. В современных политических режимах большее распространение получают «виртуальные чиновники», чем «виртуальные политики». Первые подразумевают искусственных интеллектуальных агентов, способных быстро консультировать, находить для граждан информацию, предлагать варианты

решений (MISSI, Emma в США, система RAMMAS в Объединенных Арабских Эмиратах, Una правительства Латвии и др.), тогда как вторые пока вводятся в экспериментальных целях (японская Michihito Matsuda, новозеландский SAM, российская Алиса). Поддержка разными политическими режимами внедрения технологий искусственного интеллекта в модель коммуникации с гражданами умеренно коррелирует с серьезными проблемами коррупции в их обществах. Коррупционные процессы, как фактор делегитимации режима, приводят к недоверию населения к реальным государственным служащим – представителям власти. При этом появляются риски коммуникации интеллектуальных агентов без человеческого посредничества, их «ценностного перепрограммирования» политическими радикалами, а также ложных цифровых аватаров, имитирующих реальных политиков.

8. В условиях форсированной цифровизации с сохраняющимися элементами глобализации возникает контрфеномен – «сетевой полис», означающий систему зависимых от интересантов (политических и союзных им корпоративных элит) сетевых интернет-арен гражданского участия, благодаря которым конструируются сетевые идентичности, способные легитимировать существующий политический режим. Сетевой полис включает коллективные цифровые капсулы сообществ, а также индивидуальные цифровые капсулы интернет-пользователей – их цифровые аватары. Посредством подконтрольных, лояльных сообществ сетевой полис обеспечивает воспроизводство легитимирующих режим смыслов и элементов повестки. Понятие «сетевого полиса» во многом учитывает опыт античного полиса как политически господствующей общины полноправных граждан, где существует политическая элита. Функцию сетевой элиты во многом приобретают гейткиперы – владельцы, администраторы и модераторы арен участия, тогда как гражданами сетевого полиса становятся остальные участники этих арен. Кроме того, на базе сетевого полиса режимы стараются конструировать политический интерфейс – совокупность коллективных ограничителей, общих цифровых ритуалов, софта, которые должен учитывать индивид, если он не хочет быть исключенным из конкретного политического сообщества. Политический интерфейс имеет универсальную функцию цензуры и подчинения разрозненных цифровых аватаров, будучи связанным с эффектом алгоритмизации власти. Его примером может быть не только система «социального кредита» в Китае, но и проекты Google в США.

9. Контроль над повесткой позволяет политическому режиму защищать и укреплять собственную легитимность через приемы цифровизации символического поля. Управление политической повесткой в условиях цифровизации совершило переход на уровень микроидеологии сетей, важными компонентами которой стали политические интернет-мемы и хэштеги (как результат эволюции политических плакатов и лозунгов). Первые – образно-смысловые, а вторые – лингвистическо-смысловые компоненты цифровых символических сводов. Наиболее эффективной стратегией при управлении повесткой является их грамотное сочетание: при мемификации

политический актер ставит задачу привлечения внимания интернет-пользователя к нужной проблеме визуальным способом, а при хэштегировании – задачу распространения месседжа об этой проблеме с выгодной для актора интерпретацией политических событий через гипертекстовые техники навигации.

10. Легитимация политических режимов через цифровизацию доминирующих партий производится с целями социализации – максимального приближения представителей элиты к гражданам. Процесс цифровизации доминирующих партий осуществляется в основном через развитие партийных сетевых сообществ, в жизненном цикле которых большое значение приобретает регулярность пабликов, комментариев, репостов и лайков, являющихся оцифрованным вариантом поддержки ядерного электората партии. В партийных сообществах привлекаются сторонники, пропагандируются идеи и ценностный символический ряд партии. Между тем, наблюдается тренд в сторону освоения доминирующими партиями специальных web-приложений. Маркером цифровизации партии может служить и все большая оцифровка имиджа партийного лидера и бренда, символики самой партии. Зарождение цифровых партий по типу «компаний-единорогов» обусловлено методологической революцией Big Data, проявляющейся в: а) создании для пользователей цифровых платформ и площадок коммуникации, б) анализе их поведения и реакции для усиления собственных позиций.

11. Политический режим без конкретной символической политики и техник коммеморации обречен на ослабление через раскол единого исторического сознания. Особенно этот риск обостряется в условиях развития таких новых популярных каналов коммуникации как компьютерные игры, передающих смыслы и готовые интерпретации целых исторических периодов. Опрос, проведенный диссертантом, показал, что большинство российских игроков (86%) согласны с тем тезисом, что история может искажаться в компьютерных играх. При этом ряд режимов уже используют этот канал в рамках политики памяти (США, Сингапур, эксперименты в Турции, Чехии). Таким образом, геймификация политики, игровые технологии могут использоваться как для легитимации, так и делегитимации политических режимов посредством манипуляций с интерпретацией исторической памяти.

12. Голографизация политики означает процесс, предполагающий целый комплекс 3D-технологий по созданию трехмерных политических образов, максимально сближающих виртуальность с реальностью, тогда как политическая голограмма – это разновидность трехмерного голографического образа, практикующегося посредством коммуникационных технологий в интересах политического субъекта. Сложилось три направления технологического внедрения политической голограммы: а) имидж-позиционирование политических лидеров, б) трехмерные изображения политических акций, в) бренд-позиционирование партий. Анализ показал, что голограмма пока в большинстве случаев применяется лидерами –

представителями политического режима. Однако при удешевлении технологии, появлении голографического чата, а также развитии голографического телевидения возможности для применения субъектами власти новых политических технологий существенно расширятся. При этом применение трехмерных политических образов может происходить и по сценарию развития технологий дополненной реальности (AR).

13. Возникающая цифровая геополитика актуализирует проблему внешней легитимации любого политического режима, когда цивилизация Запада трансформируется в систему цифровой империи – информационного гегемона, включающего метрополию из США, где базируется большинство крупнейших IT-корпораций, и союзных либерально-демократических режимов, входящих в программу Five Eyes (Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия). Режимы, внешняя легитимация которых всецело зависит от этого конгломерата, фактически переходят в статус цифровых колоний. С другой стороны, режимы, опирающиеся в основном на внутреннюю легитимацию, стараются сформировать устойчивые сетевые полисы и собственные политические интерфейсы (Китай, Иран, Россия, Венесуэла). Эти режимы нацелены на укрепление цифрового суверенитета, подразумевающего кибербезопасность и защиту своих интересов в виртуальном пространстве. Периодически между цифровой империей и ее цифровыми соперниками возникают информационные войны.

14. Фейки играют важную роль в подготовке делегитимационных политических интриг в ходе информационного противоборства между разными политическими режимами. В основе такого рода политической интриги лежит механизм многоходовки. Предложенная модель сетевых политических алгоритмов включает следующие варианты противодействия режима делегитимационным фейкам:

- реактивная борьба режима с фейками, учитывающая принципы G2G (т.е. в основном государственные задачи), означает совокупность оперативных цензурных реакций государственных служб по отношению к наиболее опасной для легитимности режима недостоверной информации;

- активная борьба режима с фейками, также учитывающая принципы G2G (в основном для государственных задач), должна подразумевать политику регулярного мониторинга государственными службами по профилактике возникновения и распространения недостоверной информации;

- взаимосвязь режима с частным корпоративным сектором, учитывающая принципы G2B (для задач бизнеса), предполагает не запугивание и создание «атмосферы страха», а опору бизнеса на понятия деловой этики и своей корпоративной репутации, защиты достоинства и чести граждан и государства;

- взаимосвязь режима с гражданами, учитывающая принципы G2C (для задач граждан), не означает формирование тотальной «системы доносительства», а ориентирует на выстраивание оперативных сетевых каналов обратной связи между ними.

15. Современный российский режим нуждается в качественной, глубокой, а не поверхностной демократизации, которая невозможна без устранения цифрового неравенства в стране, как минимум. Только при создании IT-инфраструктуры, способной обеспечить качественное подключение россиян к интернет-соединению, можно говорить о перспективах цифровизации демократических практик в нашей стране. Любая профанация демократического процесса в условиях развития интернет-коммуникаций и появления сетевых сообществ, наоборот, лишь вызовет падение доверия к власти и рост антиправительственного дискурса. Самую большую опасность для российского режима несет эффект наложения внешней и внутренней делегитимации в рамках информационного противоборства за политическую повестку во время выборов. Политизацию дискурса разных сфер в России важно привязать к пониманию демократии как справедливости, основанной на честных, прозрачных выборах, конкуренции, эмпаурменте – своевременной передаче власти, ее генерации снизу. Стратегически важно, чтобы хозяевами цифровой демократической платформы в России стало не просто государство или IT-корпорации, а сами россияне. Обсуждение основных вопросов должно предполагать принципы «замедления демократии», алеаторных практик (избрания ответственных за обсуждение законопроектов групп по жребию) и формат парессии – использования критического дискурса для конструктивной критики неэффективности и несправедливости решения вопросов на различных уровнях власти.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы видится во введении в политическую науку ряда новых научных понятий, разработке концептуальных схем, объясняющих закономерности цифровизации политической сферы через феномен социотехнической реальности, а также в уточнении отличий внешней и внутренней легитимации политических режимов. Полученные результаты могут быть задействованы при разработке цифровой демократической платформы, нацеленной на устранение цифрового неравенства, введения практики полноценного обсуждения и решения проблем граждан России. Помимо этого, материалы диссертации можно использовать при составлении курсов «Политический менеджмент», «Сравнительная политология», «Политические партии, союзы и движения в современной России», «Политическая география современного мира», а также при составлении спецкурсов по политологии.

Апробация работы. Основные результаты по теме диссертации изложены в 58 опубликованных работах, из них 3 монографии, 20 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК по специальности 23.00.02, 3 статьи в периодических научных изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus, 32 статьи в остальных изданиях. Также основные результаты диссертационного исследования апробированы на научных мероприятиях международного, всероссийского и университетского уровня в 2018 – 2020 гг.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав (включающих пятнадцать параграфов), заключения, списка литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 «Концептуальные аспекты легитимации политического режима в условиях цифровизации общества» состоит из трех параграфов и сосредоточена на изучении теоретических аспектов легитимации политического режима, связанных с цифровизацией. Исследование сущности политического режима опиралось на функциональный подход, рассматривающего его как способ функционирования политической системы. Анализ выявил, что в политологическом осмыслении категории легитимации между отечественными и зарубежными авторами сходство наблюдается в том, большинство политологов причисляют к признакам политической легитимации такие понятия как доверие, согласие и авторитет. Тогда как специфической чертой ряда западных исследований является изучение такого признака легитимации как согласие в тесной привязке именно к эффективности власти. Российские исследователи, затрагивающие проблематику легитимации, сохраняют определенную преемственность в отсылке к дореволюционной политической публицистике: во-первых, выделявшей сакральную природу власти, во-вторых, усматривавшей основу власти в общих интересах и коллективистских ценностях и традициях населения.

В главе предложена авторская классификация политической легитимации, выделяющая технологический, персональный, институциональный и ценностный уровни. Подчеркивается, что данные уровни – от наиболее утилитарного, профанного «технологического» до самого высшего, сакрального «ценностного» – наиболее оптимально работают в сетевой совокупности и двух измерениях – внутривнутриполитическом и внешнеполитическом, однако в «чистом виде» не один уровень (или измерение) легитимации не способен обеспечить устойчивость и работоспособность политического режима.

В основе цифровизации обнаружена алгоритмизация социально-политической жизни, возрастание роли приложений и компьютерного софта, что связано с распространением нового типа фирм – цифровых платформ, дающих гражданам само право на коммуникацию и превращающихся из-за возникающих сетевых эффектов в монополии. Вместе с тем замечено, что программа цифровизации должна предусматривать сокращение цифрового и социального неравенства в широких массах, устранение ведомственных и межведомственных барьеров. Наибольшие риски и угрозы определены в поверхностной и неравномерной цифровизации догоняющего типа, которая, наоборот, может привести к снижению уровня легитимности политического режима.

Такие стратегические компоненты цифрового пространства как цифровые ритуалы (анализ опирался на модель медиаритуалов А.И. Черных) раскрыты в виде однотипных социальных действий индивида – реакций на активность других индивидов в формате интернет-коммуникаций (лайки, комментарии, просмотр новостной ленты и др.). Показано, что цифровые ритуалы связаны с процессами аватаризации и интерфейсизации. Цифровые аватары не только становятся обязательными воплощениями реального гражданина (через аккаунты в web-кабинетах и социальных сетях), предоставляя ему возможность коммуникации, государственных и коммерческих услуг за доступ к его биометрическим данным, но и являются репрезентантами «виртуальных политиков», «виртуальных чиновников», а также ложных идентичностей. Тотальная аватаризация с появлением нечеловеческих аватаров на базе искусственного интеллекта заставляет задуматься о проблеме сохранения традиционной субъектности в цифровых политических коммуникациях.

Параллельно установлено, что в ответ на аватаризацию происходит процесс интерфейсизации – появление у режимов специфических интерфейсов. Определено, что политический интерфейс, как легитимационная матрица режима, в отличие от цифрового аватара, стремится к стиранию особенностей коммуникации индивидов посредством алгоритмов, программ, приложений, платформ и т.п., стандартизируя функционал коммуникационного пространства, навязывая модели поведения и скрывая консолидированный субъект властных отношений. Через интерфейс, определяющий практику коммуникации между гражданами и властью, режим сохраняет дисциплинарный контроль над дискурсом и возрождает «миссию папства» в понимании М. Фуко.

Феномен сети в легитимации политического режима рассмотрен через выявление центральных сетевых узлов, связанных с властью. Сетевая легитимация раскрыта как система по формированию легитимности политического режима посредством сетевых коммуникаций и сетевых технологий. Сетевая делегитимация – как соответствующая «контрсистема» по разрушению легитимности политического режима сетевыми технологиями через сетевые коммуникации. Опора на модель «цивилизационного варварства» А.А. Кара-Мурзы позволила понять риски защитной цивилизационной основы политического режима – делегитимации со стороны радикальных движений («варварство снизу») и со стороны элиты, не считающейся с запросами и проблемами общества, личности («варварство сверху»). Риск для режима есть и в том, что при массовой аватаризации гражданин трансформируется в пользователя – потенциального «нового варвара», подверженного всевозможным манипуляциям.

Глава 2 «Вопросы соотношения ценностных и цифровых компонентов в изучении легитимации политического режима» также делится на три параграфа. В качестве специфики большинства изученных исследований, рассматривающих политические коммуникации через ракурс

аксиологического подхода, выявлены архетипические бинарные оппозиции («власть/общество», «друг/враг», «свой/чужой», «сильный/слабый», «амальгамность/плюралистичность», «демократия/экспертократия»). В главе показано, что политические акторы используют бинарные свойства архетипов, чтобы управлять массовым сознанием через сетевые коммуникации, создавая и затем противопоставляя различные идентичности. В итоге формируется механизм сетевой легитимации политического режима. Бинарные оппозиции обеспечивают политическому интерфейсу режима господство над разрозненными цифровыми аватарами. Тем самым политические режимы адаптируются к рискам и угрозам цифровизации.

Теоретический анализ позволяет условно выделить несколько тенденций и одновременно направлений применения аксиологического подхода в политико-коммуникационных исследованиях: рассмотрение политических коммуникаций как эффективных трансляторов демократических ценностей; «нейтральное», – согласно которому политические коммуникации – это лишь нейтральный медиум, который не способствует и не препятствует распространению каких-либо ценностей; «критическое», появившееся после переосмысления трудов К. Шмитта и определяющее коммуникации в виде условий манипуляции общественным сознанием; «консьюмеристское» направление – тенденцию изучения именно потребительских ценностей в коммуникациях; новые направления (Data Studies, Game Studies и Holographic Studies).

Отмечено, что такая методологическая оптика Big Data как Google Trends дает возможности выявлять и анализировать цифровые маркеры легитимации и делегитимации политического режима. Цифровыми маркерами, по сути, являются обнаруженные поисковые запросы, набираемые интернет-пользователями, которые важно анализировать в контексте конкретной политической ситуации, политической новости, деятельности определенного политика, партии или государственного служащего. Позитивные по отношению к перечисленным категориям поисковые запросы можно определить цифровыми маркерами легитимации, а негативные – цифровыми маркерами делегитимации. Однако к недостаткам данной методики можно отнести проблемы с нехваткой запросов, объективной репрезентацией из-за «цифрового неравенства», некорректности с вводимыми словами и корреляциями, риски Google Bomb и эффекта SEME.

В главе проанализированы различные рейтинги и показатели политических режимов в рамках проектов Polity IV, Regimes of The World (V-Dem), World Happiness Report, Fragile States Index, The Sustainable Society Index, The Democracy Index, Global ICT Development Index, Networked Readiness Index, The UN E-Government Development Index, Power Distance Index, World Values Survey и др. При этом учет трех групп показателей (социально-политические, цифровые, аксиологические) позволил предложить Индекс легитимации политического режима (ИЛПР). Индекс показал, что высокие легитимационные риски сохраняют электоральные демократии.

Выявлено, что автократии сохраняют сильное политическое ядро (институт главы государства и т.п.), опирающееся на ценностно-цивилизационную основу, связанную с коллективистскими традициями, когда общество конструирует индивидов и их сообщества, а не наоборот. Практикуется деполитизация общественного дискурса в рамках оговоренной «зоны власти». Тогда как демократии основаны на рациональных индивидах, отношения которых в более широком «политическом поле» специфически регламентированы: с одной стороны, политизированные сообщества индивидов могут пытаться влиять на режим, с другой – демократии вынуждены искать разнообразные приемы по купированию делегитимации, цифровому контролю политизации, к которой допущены граждане, овладевшие компетенциями стратегии эмпауэрмента (генерация власти снизу, освоение гражданских навыков, активное участие и политизация).

Анализ выбранных политических режимов показал, что во время пандемии COVID-19 либеральные демократии (США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия) ввели более разнообразные технологии цифрового контроля населения, чем закрытые автократии (Китай, Саудовская Аравия, Куба, Таиланд, Сирия) – от дронов до распознавания лиц и слежки через госсервисы. Данный феномен можно объяснить «эффектом храповика», когда разные режимы пользуются приемами цифрового контроля передвижения населения, не спеша эти приемы отменять. Либеральные демократии (постдемократии), наиболее развитые в цифровом отношении, стремятся использовать приемы цифрового контроля для противодействия делегитимации. По этой причине демократические свободы уже не могут являться основным мерилем разграничения автократий и демократий – важно учитывать и ценности, традиции данных режимов.

Закрытые автократии, являясь, по сути, идеократиями, в условиях цифровизации стараются сохранить свое ценностное ядро, апеллируя к своей цивилизационной, религиозной или идеологической специфике для дополнительной легитимации (Саудовская Аравия, Таиланд, Китай, Куба). При этом электоральные автократии испытывают большое влияние от западных режимов и секуляризации: сохранив «цивилизационный синтез», утратив идеократичность и одновременно не доверяя распространенным выборным механизмам для своей легитимации (Россия, Турция, Казахстан, Мьянма, Украина).

Демократии и автократии рассматривают соседние режимы и свои лимитрофные (приграничные) окружения исходя из сложившихся собственных политических традиций легитимации: автократической деполитизации оговоренной «зоны власти» или допустимой демократической политизации активного «политического поля». Либеральные демократии (постдемократии) противопоставляют себя автократиям в рамках дихотомии «цивилизация – варварство», наклеивая на режимы, где не распространены западные ценности, ярлык догоняющих моделей и аутсайдеров (для подкрепления данного тезиса была использована модель девиации Г. Беккера).

Хотя такое противопоставление не отражает объективные причины возникновения разнообразных политических режимов.

Глава 3 «Цифровизация политического режима как условие его сетевой легитимации: технологии и ограничения» делится на три параграфа. Во-первых, в ходе исследования было выявлено, что формирование институционального доверия – важнейший элемент легитимации политических режимов. Зафиксирована определенная эволюция электронного правительства в сторону более активного применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Тем самым различного типа политические режимы стараются укрепить институциональное доверие. Примечательно, что наибольшее доверие к технологиям ИИ фиксируется в тех режимах, где есть большие проблемы с коррупцией. Наблюдается сходство в применении подобного рода легитимационных практик разными режимами – более активно внедряются цифровые аватары «виртуальных чиновников» (чат-ботов, консультирующих по поводу справок, информации), пока оттесняющие «виртуальных политиков» (интеллектуальных систем, представляющих политические интересы граждан). В главе проводится анализ кейсов Китая, США, России и других стран. На примере техник ИИ можно увидеть постепенное установление политического интерфейса со стандартизированной этикой коммуникации между гражданином и властью. Однако ни демократии, ни автократии пока не решили главного вопроса – риска ценностного перепрограммирования ИИ, что также является ограничением режимной цифровизации.

Во-вторых, феномен политической идентичности в сетевых коммуникациях рассмотрен как легитимационный механизм политических режимов, конструирующих и воспроизводящих провластные сообщества в социальных сетях. Параллельно предложена авторская модель сетевого полиса – системы зависимых от интересантов (политических и союзных им корпоративных элит) сетевых интернет-арен гражданского участия, благодаря которым конструируются сетевые идентичности, способные легитимировать/делегитимировать существующий политический режим. Сетевой полис рассмотрен как функциональный механизм политического интерфейса – цифровой маски любого современного режима. Исследование провластных сообществ разных социальных сетей подтвердило дополнительную авторскую гипотезу о том, что цифровизация политических режимов осуществляется неравномерно и в основном посредством исполнительной власти, ее силовых органов, института главы государства. Это является важным ограничением режимной цифровизации.

В-третьих, были изучены символические технологии мемификации и хэштегирования, участвующие в установлении цифровой политической повестки – важного компонента современной легитимации режимов. Отслежен переход режимов на уровень микроидеологии сетей, учитывающей эволюцию коммуникационных элементов – плакатов, билбордов в мемы, а лозунгов в хэштеги социальных сетей. Если мемы – это образно-смысловые,

то хэштеги – лингвистическо-смысловые компоненты управления политической повесткой дня. При мемификации политический актер ставит задачу привлечения внимания интернет-пользователя к нужной проблеме визуальным способом, а при хэштегировании – задачу распространения этой проблемы с выгодной для актора интерпретацией политических событий через гипертекстовые техники навигации. В качестве ограничителей цифровизации режима обнаружены факты игнорирования властями узнаваемых архетипов, дисбаланс между применением мемификации и хэштегирования (кейс Великобритании, России).

Малоизученный феномен «меметических войн» рассмотрен в виде техник внешней делегитимации политического режима и интерпретирован через миметическую модель Р. Жирара, усматривающего в миметическом соперничестве механизм копирования врагами действий друг друга. С целью аргументации данных тезисов проведен анализ кейсов России, Белоруссии, США, Ирана, Швеции, Дании, Италии, Израиля, Саудовской Аравии. Для отслеживания фактов применения таких коммуникационных элементов микроидеологии использовалась методологическая оптика Google Trends.

В Главе 4 «Профилактика сетевой делегитимации политического режима: направления и условия», делящейся на три параграфа, анализ был нацелен на дополнительные инновационные приемы купирования делегитимационных рисков современных режимов.

Во-первых, был проделан SWOT-анализ поддерживающих режим партий (на примере режимов в России, США, Китае, Индии, Италии, Турции, Казахстане, ЮАР, Канаде, Швеции, Португалии, Мексике). Под «доминирующими партиями» понимался тип популярных в обществе партийных организаций, осуществляющих дополнительную легитимацию сложившегося политического режима взамен за допуск партии к обладанию статусными и материальными ресурсами государства. Партии доминирующего типа решают задачу легитимации политического режима с помощью его социализации – максимального приближения представителей элиты к гражданам посредством цифровизации их образов (их проектов, деятельности), элементов эмпауэрмента. Тем самым соблюдается институциональная и технологическая компоненты политической легитимации, что соотносится с тремя вариантами модели легитимности политического режима С. Липсета (А – сочетание легитимности и эффективности, В – легитимность без эффективности и С – эффективность без легитимности).

Несмотря на специфику режимов, было выявлено общее сходство – процесс цифровизации доминирующих партий осуществляется в основном через развитие партийных сетевых сообществ (даже в Китае за счет комсомольских), в жизненном цикле которых большое значение приобретает регулярность цифровых ритуалов – пабликов, комментариев, репостов и лайков, являющихся оцифрованным вариантом поддержки ядерного электората партии. В сообществах привлекаются сторонники,

пропагандируются идеи и ценностный символический ряд партии. Маркером цифровизации партии может служить и все большая оцифровка имиджа партийного лидера и бренда, символики самой партии. Возникновение цифровых партий по типу «компаний-единорогов» обусловлено методологической революцией Big Data. В фейсбук-сообществах партий появляются специальные чаты, есть возможность партийного фандрайзинга. Другим маркером цифровизации партий является фактическая оцифровка партийных лозунгов, сообщений и слоганов в виде хэштегов. Определено, что доминирующие партии пока сохраняют свои порталы, хотя кейсы (Движения пяти звезд, а также других партий) показывают, что есть перспектива замены классических сайтов разветвленной блогосферой. Приложения пока используются не так активно.

Есть фактор, объединяющий все три варианта цифровизации доминирующей партии – через сообщества, сайты и приложения, – это встраивание их в структуру сетевого полиса, формируемого политическим режимом. Если чертой партийных сообществ является их дискурсивный характер (поэтому их можно назвать подлинными коммуникационными аренами участия), то чертой партийных сайтов сохраняется преобладание аргументативного характера подачи информации. Цифровая партия, приспосабливаясь к современности, сочетает и вертикальное управление, и горизонтальные коммуникации со своими сторонниками. Но дальнейшей цифровизации партий в сторону делиберативных форм демократии на базе разнообразных сообществ препятствует недоверие самих партий к данному тренду, риску потерять роль политического посредника граждан.

Во-вторых, в главе была изучена значимость фактора теории и практики игр для купирования рисков делегитимации политических режимов. Обнаружено, что феномены легитимации режима и политики памяти можно связать через техники геймификации политики, которые имеют задачу формирования эмпауэрмента, вовлечения в политический процесс большего числа участников. С одной стороны, геймификация способна создавать активную политическую коммуникацию в молодежной среде, приводить к тому, что сложная политическая информация станет лучше восприниматься гражданами. Однако, с другой стороны, в главе подчеркивается, что геймификация политики может использоваться и с манипулятивными целями. Анализ свидетельствует, что несмотря на цифровой формат популярных исторических игр, в них по-прежнему сохраняется практика бинарной архетипичной оппозиции «друг-враг». Также анализ показал, что целью некоторых игр может быть рекрутинг большого количества участников, которые должны осуществлять диверсионную активность против существующего режима. Для режима, игнорирующего данную популярную сферу у молодежи, возникают риски делегитимации посредством разрыва единой исторической картины.

Исследование показало, что профилактика делегитимации режима (как дискредитации исторической памяти) должна иметь активный характер.

Режим без конкретной стратегической политики в области коммеморации просто обречен на ослабление через раскол единого исторического поля и сознания в стране. Компьютерные игры являются перспективным каналом (а также и коммуникационным по причине их постепенной трансформации в многопользовательский формат) для воспроизводства политическими режимами через техники коммемораций целостной и непротиворечивой интерпретации исторической картины, связывающей в единую макрополитическую идентичность разные целевые аудитории и поколения страны.

Также в главе рассмотрен феномен голографизации политики, определенный как процесс, предполагающий целый комплекс 3D-технологий по созданию трехмерных политических образов, максимально сближающих виртуальность с реальностью. Согласно авторскому определению, политическая голограмма – это разновидность трехмерного голографического образа, практикующегося посредством коммуникационных технологий в интересах политического субъекта. Сделан вывод, что складываются три направления технологического внедрения политической голограммы: а) имидж-позиционирование политических лидеров, б) трехмерные изображения политических акций, в) бренд-позиционирование партий. Наблюдения, связанные с феноменом голографизации политики, позволяют подтвердить авторскую гипотезу о формировании социотехнической реальности, где социальное и техническое уже сложно отделить друг от друга.

Анализ направлений показал, что голограмма пока в большинстве случаев применяется лидерами – представителями политического режима. При этом подчеркивается, что политический режим наиболее заинтересован в персональной легитимации посредством первой разновидности политической голограммы – имидж-позиционирования провластных лидеров. Но голограмма используется не только в целях легитимации режима через популистских политиков, она может стать механизмом делегитимации, разрушая «контроль власти над телом». Самые глубинные последствия от процесса голографизации политики могут произойти только в случае перехода от односторонней пропаганды к многосторонней политической коммуникации, когда появится дешевое и удобное оборудование, программное обеспечение для обсуждения различных политических вопросов в системах «гражданин – партия», «гражданин – политический лидер», «гражданин – парламент» и «гражданин – правительство». Без удешевления технологии передачи голографического изображения данные приемы коммуникации в виде, к примеру, голографического чата будут доступны только элите действующего политического режима, а значит, больше служить манипуляциям, чем развитию демократического процесса.

Глава 5 «Факторы информационных войн в устойчивости политических режимов» состоит из трех параграфов, посвящена изучению рисков информационной гегемонии, анализу феноменов цифрового суверенитета, политических интриг, а также содержит практические

рекомендации по демократической трансформации российского политического режима посредством цифровых инструментов.

Проведенный анализ позволяет говорить о формировании специфической цифровой геополитической системы из трех взаимосвязанных групп политических режимов: а) цифровой империи (группы из метрополии США, как информационного гегемона, и сетевых полисов союзных режимов-протагонистов), б) зависимых цифровых колоний и в) сетевых полисов режимов-антагонистов (цифровых соперников), с которыми ведутся информационные войны. При анализе американской National Cyber Strategy были как раз выявлены like-minded states (страны-единомышленники), allies (союзники) и adversaries (страны-враги). С целью выявления феномена цифрового колониализма была проанализирована активность компании ICANN и корпораций GoDaddy, Tucows Inc., NameCheap, Inc. В этих геополитических условиях возникает большой спрос на политологическую концептуализацию такого понятия как цифровой суверенитет. На примере кейсов Китая и Ирана показано, что их режимы стараются создать свои суверенные от цифровой империи сетевые полисы с разнообразными аренами коммуникации, внедряя собственные правила для пользователей – политический интерфейс.

Проведенная реконцептуализация идей В.Л. Цымбурского позволила понять особенности внутренней и внешней легитимации режимов, а также прийти к выводу, что современному политическому режиму уже недостаточно своей внутренней легитимации перед населением. Режим, чтобы сохранить устойчивую легитимность, а значит свой суверенитет, должен добиваться создания собственной защитной информационной мир-системы и информационной гегемонии в ней, тем самым поддерживая собственный цифровой суверенитет.

Сделан вывод, что купирование рисков информационных войн и делегитимации политических режимов возможно лишь при рассмотрении политизированных фейков как составных элементов политических интриг. Фейк, фейковые новости и даже «фейковые войны» стали более распространенным явлением благодаря условиям клипового сознания, цифровых ритуалов, аватаризации, смещения рациональной повестки в сторону ее «гламуризации», «карнавализации» (заикленности интернет-пользователей на презентации в соцсетях контента свободного времяпровождения, независимого от рабочего времени). Весь этот фон генезиса фейков можно свести к еще одному явлению цифровизации – постправде (post-truth). Постправда, как квазиреальная информационная среда, благоприятствует «вирусному» распространению псевдоновостей, а самое главное – их источников в виде искаженных реальных образов. Но самая большая опасность фейков для легитимности политического режима состоит в том, что они способны создать и обострить бинарную архетипическую оппозицию «свой – чужой», «друг – враг», когда власть станет ассоциироваться гражданами как чужой и даже враждебный институт.

Выяснено, что политический фейк связан с механизмом многоходовки политической интриги. Опасным проводником политической интриги через распространение фейков в настоящее время стали ложные цифровые аватары в виде так называемых социальных ботов – специальных программных алгоритмов, имитирующих поведение живого человека в сетевых коммуникациях и сообществах, но все-таки подконтрольных человеку. Политические интриги проанализированы на примере кейсов фейков о России, Китае, КНДР. Одновременно разработана модель сетевых политических алгоритмов, целью которой является купирование делегитимационных рисков фейков для режимной легитимации.

Совершенствование инструментов легитимации политического режима России в главе рассмотрено через призму потенциалов и рисков цифровизации демократических практик. Автор определяет, что «цветная революция» может произойти и ликвидировать действующий политический режим, когда технологии внешней и внутренней его делегитимации превышают по объему и интенсивности технологии внешней и внутренней легитимации. Цифровые медиа (сайты, соцсети) лишь усиливают эти проявления. Отсюда наибольшую опасность для российского режима несет эффект наложения внешней и внутренней делегитимации в рамках информационного противоборства за политическую повестку дня.

Риски демократических процедур видятся не только в опасности эффекта наложения внутренней и внешней делегитимации. Есть определенная угроза и от неуправляемой цифровизации демократического процесса. Она видится в хаотизации сетевых сообществ, захвате их радикальными группировками, перерастании демократического начала сетевых сообществ в спонтанный анархизм. Часть из шифропанков разделяют экстремистские идеи, полагая, что должна произойти «киберзамена» – уничтожение современных режимов с их заменой на криптоанархистские интернет-сообщества по интересам, взаимодействующих между собой без посредников. С другой стороны, выявлено, что цифровые технологии могут в некотором плане купировать риски российских демократических практик – недоверие к выборам. Изучение данных социологических опросов позволяет сделать вывод о повышении интереса российского населения к интернету. В этом ключе появляются интересные перспективы расширения электронных демократических практик, в том числе посредством технологий блокчейн.

Цифровая демократия может стать легитимационной технологией политического режима, если она обеспечит: оценку институтов как справедливых, основанных на честной, защищенной, прозрачной и одновременно эффективной системе коммуникации; согласие по поводу выборных процедур и доверие к этим процедурам. Цифровая платформа, обеспечивающая алеаторные и выборные процедуры, должна, во-первых, допускать политизацию дискурса и вовлекать граждан в обсуждение политических решений, и, во-вторых, обеспечивать цифровой суверенитет России, будучи независимой от алгоритмов и технологий искусственного

интеллекта иностранных государств и крупных IT-компаний (Google, Facebook и др.).

Проект цифровизации демократического режима должен предполагать четкую стратегию, включающую: а) создание Центра обучения цифровой демократии; б) механизм политического краудфандинга; в) конструирование удобных платформ сетевого полиса с разнообразными многофункциональными аренами участия для проблемных сетевых сообществ; г) внедрение в полис демократического политического интерфейса с выборными и алеаторными процедурами на базе блокчейн; д) параллельное сокращение цифрового неравенства. Алеаторная демократия на основе механизма жеребьевки и создании модели небольших компетентных групп граждан (жюри) поможет сформировать доверие самих выборных политиков (представителей) к гражданам и наоборот.

Игровая модель вовлечения граждан в обсуждение политических вопросов должна купировать риски их перехода на радикальные цифровые платформы, контролируемые экстремистами и антиправительственными группами шифропанков. Политизацию дискурса разных сфер в России важно привязать к пониманию демократии как справедливости, основанной на честных, прозрачных выборах, конкуренции, эмпаурменте – своевременной передаче власти. Важно, чтобы хозяевами цифровой демократической платформы в России стало не государство или IT-корпорации, а сами россияне. Обсуждение основных вопросов должно предполагать принципы «замедления демократии» (вдумчивого изучения гражданином политических проблем) и формат парессии – использования критического дискурса для конструктивной критики неэффективности и несправедливости решения вопросов на различных уровнях власти. Вполне вероятно, что такая цифровая демократическая платформа должна иметь соответствующее приложение, скачиваемое на смартфоны, а также учитывать развитие технологий дополненной реальности.

Заключение диссертации содержит выводы и результаты, полученные в ходе проведенного исследования. Резюмируется, что функция сетевой легитимации – преодоление легитимационных кризисов путем внедрения новых легитимационных технологий (цифровых), способных ослаблять противоречия между устаревшей легитимирующей формулой и новым содержанием политического режима.

Важно отметить, что в «чистом виде» не один уровень (или измерение) легитимации не способен обеспечить долговременную устойчивость и работоспособность политического режима. Самый действенный вариант заключается в адекватном сочетании этих уровней элитой режима. Технологический, институциональный, персональный и ценностный уровни легитимации не исключают ее направленности: нисходящая легитимация в основном производна от технократической активности политической элиты, как субъекта власти, тогда как восходящая легитимация подключается только при условии активности различных политий – политических сообществ

сетевого характера и готовности самой элиты к феномену эмпауэрмента, массовой политике и демократизации. Преобладание нисходящей легитимации сохраняет автократические практики режима, включение восходящей – демократические, полное отсутствие нисходящей легитимации формирует риски делегитимации режима. Также есть нисходящая и восходящая делегитимация: причины первой – это ошибки элиты, постоянное недоверие к населению, второй – это деструктивная активность антиправительственных и радикальных групп.

Легитимационные практики режимов начинают ориентироваться на выстраивание взаимоотношений власти с гражданами посредством цифровых аватаров – виртуальных расширений, воплощений индивидов. Массовая аватаризация ставит само право на коммуникацию в зависимость от дополнительных цифровых посредников-фирм. Также серьезной проблемой остается разрушение классической политической субъектности. О кризисе традиционной политической субъектности говорит и тот факт, что боты на основе технологий искусственного интеллекта начинают формировать так называемую гибридную субъектность в виде специфических систем – «мегамашин власти», состоящих не только из политиков, партий и государственных служащих, но и из интеллектуальных агентов. Это дает основание говорить о появлении в будущем совершенно новой цифровой архитектуры политических режимов, которые будут включать гибридные министерства, партии и органы власти из реальных людей и систем искусственного интеллекта. Что на деле отражает тренд в сторону формирования социотехнической реальности.

Цифровизация не отменяет того факта, что специфика и различия современных автократий и демократий исторически обусловлены ценностными, цивилизационными отличиями, что хорошо объясняется в рамках модели «вызова-и-ответа» А. Тойнби. Принципиальные различия между режимами видятся в следующем: закрытые автократии даже в своих цифровых легитимационных практиках сохраняют идеократический характер, тогда как либеральные демократии приобретают постдемократические признаки, задеиствуя при взаимоотношении с гражданами принципы медиакратии, медиалогии, политического шоу и коммерциализации жизни. Имитационные режимы (электоральные демократии и электоральные автократии) сохраняют наибольшие риски легитимационных кризисов: ряд вводимых модернизаций является, скорее, попыткой соответствовать международным рейтингам, системам, индексам, добиться признания со стороны постдемократий. В результате имитационные режимы попадают в зависимость от внешней легитимации постдемократий (либеральных демократий), одновременно отходя от своих прежних идеократических основ.

Технологии легитимации политических режимов можно условно разделить на: а) социально-ориентированные (прогрессивные), консолидирующие режим, выстраивающие доверие граждан по отношению к нему и не имеющие антиобщественного характера, а также учитывающие

ценности, политическую культуру общества; б) амбивалентные (могут использоваться в любых целях – внутренней легитимации, внешней легитимации со стороны другого режима, а также в манипулятивных целях); в) манипулятивные (практикуются только в интересах субъекта власти – политической элиты, усиливая социальное, политическое и цифровое неравенство, отчетливо приобретая антиобщественный характер).

Проходящая форсированная цифровизация, внедрение цифровых приложений и систем практически во все сферы жизни прочно привязывает жизнь человека к параметрам и ограничениям алгоритмов. Социотехническая реальность (фиджитал-мир) проявляется в гибридном сосуществовании социального и технического. Происходит алгоритмизация власти – во всех политических режимах, вне зависимости от их типов, усиливаются формы цифрового контроля в виде рейтингов, моделей учета, приложений, регламентирующих ежедневную работу сотрудников компаний и государственных служб. В ответ растет гражданское раздражение и появление ответной реакции в форме процессов делегитимации и протестной активности. Это определяет эволюционные риски политических режимов, особенно демократических, в частности.

В данных непростых условиях российскому политическому режиму стратегически важно создать такую цифровую среду, которая бы свела к минимуму дисбаланс между внедрением новых форм цифрового контроля и появлением новых форм цифровой демократии. Новая российская цифровая платформа, обеспечивающая алеаторные и выборные процедуры, должна:

- допускать политизацию дискурса и вовлекать граждан в обсуждение политических решений;
- обеспечивать цифровой суверенитет России, будучи независимой от алгоритмов и технологий искусственного интеллекта иностранных государств и крупных транснациональных ИТ-корпораций;
- игровым способом вовлекать граждан в обсуждение политических вопросов, купируя риски их перехода на радикальные цифровые платформы, контролируемые экстремистами и антиправительственными группами.

Наиболее перспективными направлениями дальнейших политологических исследований представляются следующие: анализ легитимации, делегитимации политических режимов, провластных идентичностей посредством нейросетей и систем искусственного интеллекта; изучение роли интернета вещей в механизме режимной легитимации; сравнительный анализ инновационных политических технологий дополненной реальности; определение симбиотических отношений представителей политической элиты и руководства цифровых корпораций; разработка новых моделей цифровой демократии; выявление фактов фундаментального воздействия форсированной цифровизации на традиционные политические институты и практики; анализ цифровой дипломатии, цифрового суверенитета, цифровизации геополитических процессов и международных отношений.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК (политические науки, по спец. 23.00.02)

1. Федорченко С.Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета //Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. №2. С. 3-18. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45285/view>. 1,5 а.л.
2. Федорченко С.Н. Реконцептуализация наследия В.Л. Цымбурского: политическая легитимация в условиях цифровизации международных отношений //Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. №2. С. 66-86. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-66-86. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45290/view>. 1,8 а.л.
3. Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 175-193. DOI: 10.17223/1998863X/60/16 (в соавт. с С.В. Володенковым) (также входит в Web of Science). 0,5 а.л. из 1 а.л.
4. Fedorchenko S.N. Smart City: the arrival of a new democracy or digital totalitarianism? //Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. №1. С. 3-22. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22 (в соавт. с E.V. Karlyavina). URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/article/42858/view>. 1 а.л. из 1,9 а.л.
5. Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации //Политическая наука. 2021. №3. С. 37–53. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.02> (в соавт. с С.В. Володенковым). 0,4 а.л. из 0,8 а.л.
6. Федорченко С.Н. Политическая голограмма: анализ технологий и сценарии развития цифрового феномена //Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №2. С. 212-228. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11. 1,25 а.л.
7. Федорченко С.Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 34-57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38590/view>. 1,8 а.л.
8. Федорченко С.Н. Новые технологии работы с электоратом: цифровизация демократии и проблемы политической легитимации //Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №3 (17). С. 62-74. 0,6 а.л.
9. Fedorchenko S. Applicability of Herbert Blumer's symbolic interactionism to political analysis of internet communications //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 34-57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38590/view>. 1,8 а.л.

исследований. 2020. Т. 4. №1. С. 3-13 (в соавт. с L. Fedorchenko, E. Karlyavina). URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/article/36837/view>. 0,6 а.л. из 0,7 а.л.

10. Федорченко С.Н. Элита и ее политический режим в условиях сетевых коммуникаций //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №1. С. 70-83. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-70-83. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/36843/view>. 1,17 а.л.

11. Федорченко С.Н. Искусственный интеллект в сфере политики, медиапространства и государственного управления: размышления над тематическим портфелем //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 3-9. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-3-9. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38587/view>. 0,5 а.л.

12. Fedorchenko S. Some results of the sociological study «Computer games and the politics of memory» //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 90-105. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-90-105 (в соавт. с E. Karlyavina, D. Tedikov, R. Markaryan, K. Teslyuk). URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38594/view>. 0,6 а.л. из 0,7 а.л.

13. Федорченко С.Н. Автократия в цифровой вселенной: перспективы и угрозы политической легитимации //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №4. С. 12-24. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-12-24. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41339/view>. 0,95 а.л.

14. Федорченко С.Н. Сетевой полис: гражданин на перекрестке реальной и виртуальной политики //Обозреватель - Observer. 2019. № 4 (351). С. 68-85. 1,35 а.л.

15. Федорченко С.Н. Легитимность политического режима и PR: актуальны ли советы Макиавелли? //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №3. С. 24-45. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33300/view>. 2,1 а.л.

16. Федорченко С.Н. Хештеги: механизм легитимации политического режима или манипулятивная ловушка? //Обозреватель - Observer. 2019. № 7 (354). С. 24-41. 0,6 а.л.

17. Федорченко С.Н. Политический анализ через оптику Google Trends (кейсы Италии, США, России, Германии и Мексики) //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №4. С. 142-156. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/34268/view>. 0,92 а.л.

18. Федорченко С.Н. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? //Вестник Московского государственного областного университета. 2019. №3. С. 67-86. DOI:10.18384/2224-0209-2019-3-970. (в соавт. с Д.О. Тедиковым, К.В. Теслюк, Р.А. Маркаряном). URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/970>. 0,6 а.л. из 0,7 а.л.

19. Федорченко С.Н. Легитимность Красного Дракона: включение политикумов и виртуальных сообществ в сетевой полис Китая //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №3. С. 133-144. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33308/view>. 0,85 а.л.

20. Федорченко С.Н. Горизонты и ограничения Big Data в политическом анализе //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №4. С. 3-11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41574562>. 0,8 а.л.

Статьи, опубликованные в периодических изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus:

1. Fedorchenko S.N. Vox Populi - Vox Dei: Elections in the Roman Republic and Modern Democracies (Comparative Analysis) //Новый исторический вестник. 2020. №4 (66). С. 129-139. (в соавт. с А.М. Smorchkov, P.P. Shkarenkov) (Scopus, Web of Science). 0,3 а.л. из 0,6 а.л.

2. Fedorchenko S. Democratic political regime in development context of online network communities //E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 210. 16016. DOI: 10.1051/e3sconf/202021016016 (в соавт. с R. Alekseev, D. Ezhov, E. Kurenkova) URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2020/70/e3sconf_itse2020_16016/e3sconf_its_e2020_16016.html. (Scopus, Web of Science). 0,8 а.л. из 1 а.л.

3. Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества //Социологические исследования. 2018. №11 (415). С. 117-123. DOI: 10.31857/S013216250002791-3 (в соавт. с С.В. Володенковым) (Scopus, Web of Science). 0,3 а.л. из 0,6 а.л.

Статьи по теме диссертации в остальных изданиях:

1. Федорченко С.Н. Цифровые технологии в политическом процессе: новые вызовы и перспективы //Право и государство. 2020. №3-4 (88-89). С. 161-175. 1 а.л.

2. Федорченко С.Н. Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти //Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. №5. С. 427-438. URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/973/973ea5d28b65d5d8765e8acac3334917.pdf>. 0,6 а.л.

3. Федорченко С.Н. Хэштеги в формировании политической повестки и методологический потенциал Big Data //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №1. С. 14-26. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28085/view>. 1,1 а.л.

4. Федорченко С.Н. Интернет-мемы как элемент медиатизации политической повестки на примере международных отношений //Журнал политических

исследований. 2019. Т. 3. №2. С. 42-58. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/29860/view>. 0,5 а.л.

5. Федорченко С.Н. Нагорный Карабах в ракурсе информационных войн //Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. №2. С. 211-218. URL: https://e46c205d-83c7-4e8c-bb4b-8df266fbea81.filesusr.com/ugd/0206eb_99a3cc85118f470781917c187bf54509.pdf. 0,6 а.л.

6. Федорченко С.Н. Big Data в политическом процессе Новой Зеландии //Обозреватель - Observer. 2018. №6 (341). С. 66-82. 0,7 а.л.

7. Федорченко С.Н. Political Hologram: от научных исследований к 3D технологиям борьбы за электорат //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №2. С. 78-116. URL: <https://riorpub.com/ru/nauka/article/22187/view>. 0,8 а.л.

8. Федорченко С.Н. Анализ постсоветских стран через призму коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса //Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. №3. С. 242-250. URL: https://e46c205d-83c7-4e8c-bb4b-8df266fbea81.filesusr.com/ugd/0206eb_5202c9dbe471443185a5be897fefcfc3.pdf. 0,5 а.л.

9. Федорченко С.Н. Computer Game Studies: новые горизонты для политической науки и практики //Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. №4 (20). С. 172-182. 0,6 а.л.

10. Федорченко С.Н. Big Data и методологические возможности ресурса Google Trends для политологического исследования //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №4. С. 48-55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36644773>. 0,5 а.л.

11. Федорченко С.Н. Политическая голограмма: новая возможность коммуникации или скрытая угроза 3D манипулирования цифровым обществом? //Вестник Московского государственного областного университета. 2018. №2. С. 189-203. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-896. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/896>. 0,7 а.л.

12. Федорченко С.Н. Политические технологии в компьютерных играх как новый формат информационного воздействия //Информационные войны. 2018. №4 (48). С. 85-97. 0,6 а.л.

13. Федорченко С.Н. Computer Game Studies как новая область политологии //Обозреватель - Observer. 2018. №9 (344). С. 70-85. 0,6 а.л.

14. Федорченко С.Н. Политизация социальных сетей интернета и легитимность власти //Środkowoeuropejskie Studia Polityczne. 2017. №2. С. 89-102. 0,5 а.л.

15. Федорченко С.Н. К истории развития политических технологий в России //Россия XXI. 2017. №4. С. 6-31. 0,7 а.л.
16. Федорченко С.Н. Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием //Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №3. С. 44-78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30721132>. 0,8 а.л.
17. Федорченко С.Н. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. №4. С. 738-748. (в соавт. с А.В. Абрамовым, К.П. Курылевым). 0,4 а.л. из 0,6 а.л.
18. Федорченко С.Н. Политические идентичности в социальных сетях Интернета //Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. №2. С. 29-46. 0,6 а.л.
19. Федорченко С.Н. Феномен информационной империи //ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. №1. С. 103-109. 0,3 а.л.
20. Федорченко С.Н. Информационная политика по профилактике межэтнических и межрелигиозных конфликтов (на примере Московской области) //Информационные войны. 2017. №2 (42). С. 55-63. (в соавт. с В.Э. Багдасаряном, А.Э. Ларионовым, И.Б. Орловым). 0,4 а.л. из 0,6 а.л.
21. Федорченко С.Н. Архаика политической культуры VS легитимность демократии (на примере исламских и среднеазиатских постсоветских государств) //Постсоветский материк. 2016. №1 (9). С. 46-53. 0,4 а.л.
22. Федорченко С.Н. Глобальное исследование политизации социальных сетей //Обозреватель - Observer. 2016. №8 (319). С. 57-67. 0,6 а.л.
23. Федорченко С.Н. Федорченко Л.В. «Облачные» технологии и новые возможности для легитимности власти //Сборник научных трудов кафедры Философии и истории /Сост. А.В. Матюхин. М.: Московский финансово-промышленный университет "Синергия". 2016. С. 145-152 (в соавт. с Л.В. Федорченко). 0,2 а.л. из 0,3 а.л.
24. Федорченко С.Н. Легитимность демократии и архаика политической культуры (на примере постсоветских среднеазиатских и африканских режимов) //Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. 2016. С. 210-216. 0,3 а.л.
25. Федорченко С.Н. Парадокс сетевых технологий в механизме легитимности власти //Информационные войны. 2016. №1 (37). С. 55-60. 0,5 а.л.

26. Федорченко С.Н. Власть и облачные технологии в России и США //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. №2. С. 108-116 (в соавт. с Л.В. Федорченко). 0,5 а.л. из 0,6 а.л.
27. Федорченко С.Н. Патриотизм как механизм защиты легитимности политического режима от технологий «цветных революций» //Просветительство как основа развития личности и общества. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Курск: Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса. 2015. С. 20-25. 0,2 а.л.
28. Федорченко С.Н. Отношение к США учащихся школ Москвы и Московской области: угроза или подспорье для легитимности российской власти? //Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3(7). С. 103-109 (в соавт. с Е.М. Лымарь, Л.В. Федорченко). 0,4 а.л. из 0,5 а.л.
29. Федорченко С.Н. Сетевые технологии и легитимность политического режима //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. №4. С. 129-137. 0,6 а.л.
30. Федорченко С.Н. Политическая антропология как основа анализа трансформационных процессов и цивилизационной специфики России //Что есть Россия - система, застрявшая в трансформационных социально-экономических сетях, или особая цивилизация. Материалы научного семинара. Вып. № 7. М.: Научный эксперт. 2011. С. 59-62. 0,1 а.л.
31. Федорченко С.Н. Технологии создания политической символики «цветных революций»: мировой опыт //Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 135-155. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/241>. 0,7 а.л.
32. Федорченко С.Н. Развитие политического режима тандемократии в России //Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 1. С. 114-126. 0,6 а.л.

Монографии:

1. Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ. 2021. 242 с. 1000 экз. 10,9 а.л.
2. Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. М.: ИИУ МГОУ. 2018. 202 с. 500 экз. 10 а.л.
3. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента: моногр. М.: ИИУ МГОУ. 2013. 200 с. 500 экз. 10 а.л.